

АЛИМ ХАНФЕНОВ

ВЕЧНЫЙ ВСАДНИК

Баллада

1.
Зари потоки весело и ярко
катились через горные хребты
и в каждое ущелье и в лощину,
играя устремлялись с высоты.

Они касались диких скал
Кошхаха,
подкрашивая выступы слегка,
качали шпиль железной
телевышки
на обжитой вершине Машука...

Вот из-за роци всадник показался
—
папаха, сабля, бурка за спиной.
Он смотрит вдаль на абрис гор
Кавказских,
и думами лицо озарено.

Стегнул коня — и взвились
полы бурки,
дорога под копытами гудит,
и мчится вскачь наездник
большеглазый,
столетья оставляя позади.

Его, как сына, провожают горы
в далекий путь, в грядущие века.
Седые горы не забудут горя
и выстрела на склонах Машука.

Но мчится вихрем всадник
большеглазый,
с прямой дороги не свернув ни
разу.

2.
Обвалов грохот, выстрелы и
взрывы,
сплошного эха гром над
головой...

На ледяном Марухском перевале
ни днем, ни ночью не стихает бой.

От вражьей крови скалы
почернели.

Крошились камни от сапог
чужих.

Пришельцам горы сами угрожали,
и скалы в пропасть сбрасывали их.

Но вот над белой тучей выплыл
всадник

на белом кабардинском скакуне.
Он грозен был, и плеть его
свистела
в холодной недоступной вышине.

Свою любовь сыновнюю и
верность
хранил горам он, как хранил свой
пыл.

Но час пробил — и он пришел на
помощь
и в смертный бой с врагами гор
вступил.

Как нарт, летел он в белых вихрях
снега
и вел кавказцев, недруга разя,
и дрогнули фашистские колонны,
прошедшие Европу на рысях.

Гудел огонь и закалялась воля,
сверкала сталь каленого клинка,
когда две лавы — Жизнь и
Смерть—

столкнулись
на кромке голубого ледника.

И враг бежал, и находил он
гибель
в любом ущелье, на тропе любой.
А всадник гнался бешено в
погоню,
ведя родные горы за собой.

Паучий знак фашизма был
раздавлен.

Вовек победу эту не забыть!
Осколки черные, что комья
грязи,

летели из-под яростных копыт.

3.

Ласкает солнце тонкими лучами
вершины гор, незримо плавя тень.
Поочередно в зеркала-озера
оно глядится радостно весь
день.

Сыны многоплеменного Кавказа
—
соратники — пришли на
братский пир
и вспоминают годы испытаний,
когда, казалось, рушился весь
мир.

Течет вино за добрым
разговором,
в спокойном небе тают облака,
и тополя шумят под легким
ветром,
и слушает их шум Кубань-река.

Но вот в руках черкеса молодого
гармонь запела — голос, как
живой,—
и ноги, что протопали до Шпрее,
пустились сами в танец огневой.

Тут горцы просят русского
джигита,
чтоб вышел он с горянкою на
круг.
И закружился он в адыгском
танце,
певец России и Кавказа друг.

Зеленый луг — кунацкая. В
кунацкой
всю ночь — веселье и костер
горит.

Танцуют горцы храбрые, и с ними
поэт бессмертный пляшет до зари.

Но вот гостей, по древнему
обычью,
хозяева сажают на коней...
И вечный всадник тронулся в
дорогу,—
лишь искры высекались из
кремней.

Он птицею взлетает над
Кошхахом,—
на алом небе четкий силуэт,—
а стройные и ласковые Белы
влюбленно машут всаднику
вослед.

Он мчится вдаль, к Марухскому
ущелью,
где пламя обжигало небеса,
где будто бы в почетном карауле
стоят на склонах каменных леса.

За ним летят ветра и птичьи
трели,
за ним летят крутые облака.
Ах, как он скачет, этот смелый
всадник,
дорогой в незнакомые века!

*Перевел с черкесского
ИВАН КАШПУРОВ.*